

О.В.Пашко

Сирин и Алконост в поэзии Николая Клюева: К вопросу о влиянии на неё старообрядческих настенных листов

В этой статье речь пойдет об отражении в тексте поэзии Н.А.Клюева образов мифологических птиц Сирина и Алконоста как одного из замечательных компонентов старообрядческого bestiaria, соединившего древнерусские книжные традиции и фольклорные представления Русского Севера. Для сравнения с текстами поэта привлекаются старообрядческие настенные листы, излюбленным сюжетами которых, не встречающимися в других памятниках народного изобразительного искусства, и являются «изображения сладкогласных полуптиц-полудев Сирина и Алконоста»¹.

Вообще же, кроме Сирина и Алконоста, в произведениях Клюева обнаруживаются образы следующих фантастических птиц: Гамаюн, Финист, Феникс, Птица-Фигос, Куропь, Габучина, Дребзда, Кува, Птица-Обида, Жар-птица; особую группу составляют нечистые птицы – Чиряя, Грызея, Подкожница, птица Удавница. Любопытным было бы сопоставление этого списка с тем, который находим у исследовательницы мифологической лексики Русского Севера Черепановой: "Лекан-птица (Перм.), птица Дураль (Арх.), Могут-птица (Перм.), Комор-птица (Яросл.), Ногай-птица (Арх.), вотрогот (вострогор), гоностазь»².

Е.И.Иткина указывает на существование двух разновидностей «листов с птицей Сириин: одна имеет развернутый сюжет, а другая представляет изображение только самой птицедевы. <...> Большая часть картинок с развернутой легендой восходит к общему оригиналу, хотя все имеют отличительные особенности в облике Сирина, в изображении толпы людей, пугающих птицу шумом» (с. 176). Картинки с развернутым сюжетом имели следующую структуру: «В картуше название “Птица Сириин святого и блаженного рая” и текст: “Аще человек глас ея услышит, пленится мыслями и забудет вся временная и дотоле вслед тоя ходит, дондеже пад умирает, гласа ея слышати не престает”. Около головы Сирина надпись: “Видом и гласом”. Под картинкой заглавие: “Есть же о птице сей сказание таково”. Ниже текст: “В странах индийских (яже прилежат ближайши блаженному месту райскому) обычай имеет являтися птица сия и глашати песни таковы, яковы же слух... возлетати жилищам, и скорейши, нежели орел, скоропарною быстростию от вреды шумов вземшеса, к тому не являема бывает» (с. 177). Напомним, что тема Индии широко представлена в поэзии Кюева, на что указывают многочисленные произведения поэта: «Белая Индия», «О ели, родимые ели...», «Печные прибои пьянящи и гулки...», «Под древними избами, в красном углу...», «Вылез тулуп из чулана...», поэма «Погорельщина», статья «Порванный невод», предисловие к сборнику «Изва и поле» и др. Индия предстает здесь именно как райская страна, иное царство, ведь «”инди – в другом месте, в другой раз”, именно таково олонецкое прочтение этого слова»³.

Сириин и Алконост изображались и на поморских рисованных картинках, этим птицам специально не посвященных, например, на листе «Сотворение человека, жизнь Адама и Евы в раю, изгнание их из рая», здесь птица сидит на одном из деревьев райского сада. На листе «Древо разума» Сирины расположились на кустах, окружающих главное Древо, на листьях-полосах которого «написаны поучения человеку по поводу нравственной жизни» (с. 188.). Текст этого поморского листа связан с писаниями чтимого поэтом протопопа Аввакума: Сириин в его понимании «есть птица краснопеснивая», и обретается она «к востоку близ рая, во аравитских странах, в райских

селениях живет и, егда излетает из рая, поет песни красные, и зело неизреченны, и не вместимыи человеку уму; егда же обрящет ея человек и она узрит его, тогда и паче прилагает сладость пения своего. Человек же, слышавше, забывает от радости вся видимая и настоящая века сего и вне бывает себя; мнози же и умирают, слушавше, шествуя по ней, понеже красно и сладко пение; и есть не захочет горюн от желания своего”⁴.

Многочисленны примеры того, что Клюев изображал Сирина птицей райской, причем рай олицетворяется в образе дерева, сада, избы (запечья), Руси, человека, Слова (Словесный рай). Многие из этих имен рая совпадают со старообрядческой традицией представления райского места. Итак, Сирин – птица райская: “Пир мужицкий свят и мирен | В хлебном Спасовом раю, | Запоет на ели Сирин: | Баю-баюшки-баю”>; здесь, как видим, Сирин соотнесен с реконструируемым из текстов Клюева “хлебным” кодом, который манифестируется в следующих образах: плуг, соха, косуля, жернов, цеп, овин, гумно, печь, квашня и, собственно, зерно, колос, сноп, дрожжи, коврига, рожь, пшеница, посев зерна, жатва, выпечка хлеба и др. В другом поэтическом контексте Сирин соотнесен со стихией народной речи, “Где рай финифтяный и Сирин | Поет на ветке расписной, | Где Пушкин говором просвирен | Питает дух высокий свой”. Естественно, в связи с раем (“Древесной крови дух дойдет до Божьих звезд, | И сирини в раю слетят с алмазных гнезд”) появляются и образы Древа Жизни, Сирина и Слова: “Хорошо с сулоном “Свете” петь, | С колоском в потемках повенчаться, | И рукою брачной постучаться | В недомысленного мира клеть. | С древа жизни сиринов вспугнуть, | И под вихрем крыл сложить былинку”.

Немаловажен и тот факт, что в восприятии лирического героя поэзии Клюева Сирин живет за печкой, месте сакральном: “В приятстве моль со свечкой, | И не цветет за печкой | Сусальное крыло. | Ау, прекрасный Сирин! | В тиши каких кумирен | Твой сладостный притин? Но что же это за «запечная тайна и рай», где растет «Древо Жизни», цветет «сусальное крыло» Сирина, находится «Китеж», «седое поморье, гусиные дали», царство «многоценней златниц», где «как сон, запечный ручеек», а также «гремит запечный прибор», где «отрочья

весна», «чародейной речью | Шепчется Оно» и даже «София – | Орлица запечных ущелий» и «запечный Христос»? По этнографическим данным, запечье могло называться «голбец», а это слово, в свою очередь, обозначало как погреб, так и могильный памятник ⁵. То есть запечье и относится к местам, «яже прилежат ближайши блаженному месту райскому» (с мифопоэтической точки зрения темное запечье соотносится с наиболее сакральными частями храма ⁶), и предстает как обитель предков, что особенно для нас важно, так как Сирий связан с предками: «По зеленым вёснам | Прилетает к соснам | На отцов могилы | Сирий песнокрылый. | Он, что юный розан, | По Сиговцу прозван | Братцем виноградным, | В горестях усладным...» Отношение староверов к «праотцам» было совершенно особенным: «для всех поколений старообрядцев неизменным остается утверждение: Бог отринет того, кто свернул с дороги «праотцов». <...> то есть участь на Страшном Суде в старообрядческом представлении предопределена признанием или отвержением со стороны собора «праотцов» ⁷.

Теперь хотелось бы остановиться на тропе «братец виноградный». Восходит эта образность к Евангелию: «Аз есмь лоза, вы же гроздие» (Ин. 15, 5) и имеет евхаристическое содержание. Одно из фундаментальных произведений Семена Денисова – «Предивный и всеслащайший виноград Российския земли...», именно так называет автор мучеников и святых, пострадавших за веру. Известен также поморский настенный лист, получивший ученое название «Иллюстрация к тексту 79 псалма Давида о насаждении виноградной лозы» (с. 116).

Живет Сирий на ставнях: «А ставень дедовский провидяще грустит: | Где Сирий – красный гость <...> А Сирий на шестке сидит с крылом подбитым, | Щипля сусальный пух и сетуя на мир» (3, 370). Иными словами, не защищенное райской птицей окно, «не заминенные» двери, открывали Хаосу дорогу в священный мир «Отчего дома», «Украшенного Чертога» ⁸.

В рецепции Ключевым образа Сирина нужно подчеркнуть два момента. Во-первых, связь Сирина со свирелью любви, например, в сцене «Песни о Великой Матери», где он поет Параше: «Тут ясный Сирий не стерпел | И на волхвующей свирели, | Как льдинка в икромет форели, | Повывел сладкое “люблю”...» Во-вторых, эта сказоч-

ная птица выступает в роли вестника, в чем проявляется ангелическая природа Сирина: “Сирин мне вести носил | С плах и бескрестных могил”; “Вдруг Сирина голос провеял в тиши: | “Лесные невесты, готовьтесь к венцу, | Красе ненаглядной и саван к лицу!”. Предстает она и в образе учителя (“Ель Покоя жильё осеняет, | А в ветвах ее Сирин гнездится: | Учит тайнам глубинным хозяйку, – | Как взвесить нежных красок опару”) и утешителя, «в горестях усладного».

Интересно, что у Клюева чаще всего Сирин поет “Кирие елейсон!” (то есть “Господи, помилуй!”), реже “Баю-баюшки-баю” и “Люблю”.

Сирин наделен и человеческим телом. С другой стороны, поскольку он свил гнездо в сердце, то и оно уподобляется Сирину: “...сердце Сирином в коруне | Вот-вот на кровь пожаром дунет...”. А поскольку Сирин – «птица краснопеснивая», то, естественно, связана она и со слухом: “Чтобы роили поколенья | Узорных сиринов в ушах | Дырявым штопалкам на страх!”.

Чрезвычайно ярко и характерно в поэзии Клюева представлен внешний облик птицы. Во-первых, Сирин иногда выступает не только «двуглавым», но и “двуликим”: «Когда в Сиговец, златно-бел, | Двуликий Сирин прилетел. | Он сел на кедровой вершине, | Она заплакана донине...». Важно тут отметить близость мотивов слез и Сирина. Плач в средневековой культуре был атрибутом добродетели, о чем свидетельствует сюжет поморского настенного листа «Душа чистая»: «Душа чистая представлена девой в короне, стоящей на луне. В правой руке она держит букет цветов, в левой – кувшин со слезами, гасящими пламя» (с. 180).

Подчеркнем, что двуглавость и двуликость Сирина могла выступать знаком раскола, ведь неслучайно Сирин поет именно «Кирие елейсон!». Вспомним обращение протопопы Аввакума к царю Алексею Михайловичу: «Воздохни-тко по-старому, какъ при Стефане бывало, добренько, и рцы по рускому языку: «Господи, помилуй мя, грешнаго!» А киръелейсон-оть оставь: такъ ельlenia говорятъ, плюнь на нихъ! Ты, ветъ, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ...»⁹. Соотносится Сирин и с российским государственным гербом: «Двуглавый орел – государево слово – | Перо

обронил: с супостатом война!» Двуглавость может также указывать и на соединение двух миров – горнего и дольного, и на несовершенство, ведь одно из значений, которым была наделена птица Сирий в древнерусской книжности, – это нетвердый в вере человек. Интересно, что Сирий соотносится и со сверчком, в античной традиции символизирующей, как известно, поэта: “А Сирий, притаясь за печкой, | Свирель настраивал сверчком...».

В одной из вышеприведенных цитат из «Песни о Великой Матери» говорится о «сусальном» крыле Сириной. Как нам кажется, в данном контексте «сусальный» ведет к той «блаженной злати» икон, к тому «иконописному миру», населенному «звукоангелами»¹⁰, ассисткой, о которой П.Флоренский говорит: «Это золото есть чистый беспримесный свет, и его никак не поставишь в ряд красок, которые воспринимаются как отражающие свет <...>. Ассистка, это наиболее определенное применение золота, есть выражение не вообще силовой онтологии, а сил Божественных – сверхчувственной формы, пронизывающей видимое»¹¹.

Сирий, птица удивительно красивого голоса, соотносится в поэтических текстах Клюева с их лирическим героем (“Я – древо, а сердце – дупло, | Где сирина-птицы зимовье”; “И пал ли Клюев бородатый, | Как дуб, перунами сраженный, | С дуплом, где Сирий огневейный | Клад стережет – бериллы, яхонт?..”). Напомним, что мотив древа – древнейший мифопоэтический образ – довольно часто встречается в поэтической речи Клюева («Древо Жизни», «Словесное древо», «Ель Покоя», «древо песни», «райское древо», «Громовое древо», «крылатое древо», «древо человека», «золотое церковное древо», «Крестное древо», «Ель Покоя», три дуба – «Премудрость, Любовь и волхвующий Труд», «древо справедливости», «народов ствол», «родословное древо искусства», голое «древо зла», «Неопалимое Древо» и другие). Однако разнообразные варианты образа “мирового древа” реализуются и в старообрядческих настенных листах, как, например, в следующих сюжетах: «Родословное древо Андрея и Семена Денисовых», «Десять настоятелей Выгорецкого обществительства», «О добрых друзьях двенадцати», «Древо полезные советы», «Из алфавита духовного», «Древо разума», «Семь смертных

грехов». В связи с образом лирического героя возникает у Клюева и оригинальная поэтическая конструкция «буквенного» Сирина: «Светлому внуку незрим, | Дух мой в чернильницу канет, | И через тысячу зим | Буквенным сирином станет».

Отождествление с Сирином-певцом используется и при создании поэтического портрета певицы Надежды Обуховой: «А мы, холуи, зенки пялим, – | Не видим, что Сирин в бархатной зале, | Что сердце райское под белым тюлем | Обождено грозovým июлем».

В древнерусском bestiarii, согласно наблюдениям О.В.Беловой, Сирин символизировал амбивалентные понятия. С одной стороны, пение этой птицы «служит обозначением божественного слова, входящего в душу человека», с другой – это указание на «нетвердых в вере людей», а также «еретиков, вводящих... в заблуждение». Интересно, что в переводе Хроники Георгия Амартола вспоминаются птицы, «иже и сирины нарицаются, рекше виль»; здесь сирины отождествляются с известным женским персонажем югославянской народной демонологии¹².

Характеризуя символику этой птицы у Клюева, следует учитывать не только тот факт, что Сирин — райская птицедева, что ее пение, как мы уже отмечали, в древнерусской книжности «служит обозначением божественного слова, но и то, что Сирин созвучен с именем сирийского святого Ефрема Сирина, которого поэт называет «пророком сириян» и «арфой Святого Духа». Эта коннотация позволяет называть «сиринами» и русских святых: «То было на праздник Бориса и Глеба – | Двух сиринов красных, умученных братом»

Для Клюева пение Сирина – это знак истинного Слова, той песни и той поэзии, символом которой является бирюза, на дне которой «избяная Индия»: «Если средиземные арфы живут в веках..., то почему же русский берестяной Сирин должен быть оципан и казнен за свои многопестрые колдовские свирели – только лишь потому, что серые, с невоспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпях и опрометно утверждая, что товарищ маузер сладкоречивее хоровода муз?»¹³.

Другая райская птица, часто встречающаяся в старообрядческих настенных листах, Алконост, по облику весьма схожа с Сирином, однако, как отмечает О.В.Белова, имеет одно существенное от него отличие: она всегда изображалась с руками. Нередко в руке птицедева держит свиток с изречением о воздаянии в раю за праведную жизнь на земле. Алконост, как и Сирин, пленяет людей своим пением, причем настолько, что человек обо всем забывает. С этой птицей в древнерусской книжности связывалось также предание о днях алконостных – семи днях, когда Алконост откладывает яйца в морскую глубину и высидывает их, сидя на поверхности воды, в это время он усмиряет бури. Алконост был примером “проявления божественного промысла”¹⁴.

Е.И.Иткина опровергает сложившееся «у некоторых исследователей, а также в обыденном сознании» устойчивое представление, что «в народном искусстве Сирин – птица радости, а Алконост – птица печали». Исследовательница возводит его к картине В.М.Васнецова “Сирин и Алконост. Песня радости и печали” (1896): «Более ранних образцов противопоставления символики Сирина и Алконоста нам не встречалось, и следовательно, можно считать, что оно пошло не от народного, а от профессионального искусства...» (с. 19).

Совершенно в духе поморского листа, у Клюева Алконост – птица райская (“В закатном лаке Алконост | Нам вести приносил из рая, | В уху ершовую ныряя”), он забирает кружевницу Проню из Сиговца в мир горний («Погорельщина»). Вот еще пример: “В державном граните, в палящем алмазе | Поют Алконосты и дум голоса. | Под сонверетенце печные тропинки | Уводят в алмаз, в шамаханский узор...”. Как нам кажется, алмаз тут – метонимическое обозначение рая, точно такую же образность мы встречаем и при описании Сирина.

Неизменно эта птицедева со сладостным голосом упоминается в связи со словом, гнездится она в «Словесном рае»: “Золотые деревья | Свесят гроздьями созвучья, | Алконостами слова | Порассядутся на сучья. | Будет птичница-душа | Корм блюсти, стожары пуха, | И виссонами шурша, | Стих войдет в чертоги духа”. “Алконостную Россию” лирический герой Клюева представляет именно словесным пространством: “Я Алконостную Россию | Запратал в дедовский сусек. |

У Алконоста перья – строчки, | Пушкинки – звездные слова”. Еще одно подтверждение мысли о том, что Алконост у Клюева соотносится с образом истинной России, словесной, можно видеть в строках о родном крае из “Плача о Сергее Есенине”: “Приснился ты белицей | По бровь холстинный плат, | Но Алконостом-птицей | Иль вещую зегзицей | Не кануть в струнный лад”.

Эта птица – знак Руси, ее жизни и песни (“Ах, кто же в святорусском тверд – | В подблюдной песне, Алконосте?”), это и родные города (“Взгляни на Радонеж крылатый. | Давно ли – светлый Алконост, | Теперь ослицею сохатой | Он множит тленье и навоз!”), и архитектурные сооружения (“И многопестрым Алконостом | Иван Великий смотрит в были, | Сверкая златною слезой”).

В поэзии Клюева воспроизводятся и изображения этой «сладкоголосной птицы» на вещах, атрибутах крестьянского быта, где они выполняют функцию знака, сакрализующего предмет: “Лавка | С певуном-Алконостом на спинке”, у лампы “Ушки — на лозах алконосты”; “Вспорхнув с лампы, алконосты | Садись на печальный плат”. Что самое интересное, эта райская птицедева с дивным голосом может быть вещью, «дивно вырезанной», в каком-то роде это аналогично тому, как из «телес» деревьев в «Песни о Великой Матери» возводится храм, «акафист из рудых столпов». “Резчик Олеха – лесное чудо <...> Повысек птицу с лицом девичьим, | Уста заклать потайным кличем”. Иными словами, тело Алконост получает от «древа», а дух, ум и слово дается от книги: «Заповелели у древа щеки, | И голос хлябкий, как плеск осоки, | Резчик учуял: “Я – Алконост, | Из глаз гусиных напьюся слез!”». Роль книги в старообрядческой культуре трудно переоценить, а по наблюдениям А.М.Панченко, различное отношение ко книжному наследию будущих вождей старообрядчества и их идейных противников явилось одной из причин раскола¹⁵.

Так же, как и Сирин, Алконост связан с плачем. Образ пьющей слезы птицы мы встречаем в скорбеских стихах: “Из очей слез реки лейте: | Птицу райскую лелейте! | Птица любит слезы пить, | И научит вас как жить, | Как живому Богу служить, | На земле жить не тужить, |

Хоть головушку сложить, | Да отцу верно послужить, | Верным праведным угодить, | Свою душу украсить...”¹⁶.

В поэзии Клюева Алконост соответствует с традиционной символикой птицы является символом души, души певчей: “И взлетит душа алконостом | В голубую млечную медь, | Над родным плакучим погостом | Избяные крюки допеть”. Отождествляется она и со стихиями, в частности, с ветром, например: “В ракитах ветер-Алконост | Поет о Мекке и арабе, | Прозревших лик Карельских звезд”.

Алконост у Клюева – птица светоносная, «светлая», ее «пушинки – звездные слова». Среди настенных листов, созданных в подмосковном гуслицком центре, встречается «Календарная стенка», где на плоскости листа «размещены таблицы исчисления дней, “часов”, а также изображения звездного неба, птиц Сирина и Алконоста и др.» (с. 217–218).

Итак, в поэзии Клюева птицы Сирина и Алконост неразрывно связаны с красотой и словом; оперируя этими образами, поэт, род которого «от Аввакумова корня повелся», воскрешает заветы «праотцев», прославляет их «тонкую одухотворенную культуру»¹⁷. Источником вдохновения для поэта были в данном случае и старообрядческие настенные листы, влияние образности которых на Клюева должно стать предметом глубокого и серьезного исследования.

¹ Иткина Е.И. Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX. Альбом. – М., 1992. – С. 19. В дальнейшем страницы этого издания указываем в тексте.

² Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. – Л., 1983. – С. 16.

³ Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.

⁴ Из толкования на Книгу пророка Исаии // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Ред., вступ. статья и коммент. Н.К.Гудзия. – М., 1997. – С. 255.

⁵ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983. – С. 168

⁶ По наблюдениям В.Н.Топорова, «максимально долго без окон остаются самые сакральные части храма – святилище, алтарь, целла с ковчегом, изображением Божества, жертвенником, дарохранительницей, реликварием и т.п. Их старались скорее скрыть от света, как и от постороннего взгляда, чем открыть свету путь в святилище» (Топоров В.Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования 1983. – М., 1984. – С. 165–166).

⁷ Киселева Л.А. Мифология и «реалии» старообрядчества в «Песни о Великой Матери» Николая Клюева // Православие и культура. – К., 2001. – № 1. – С. 6.

⁸ О мотиве «Отчего дома» см.: Киселева Л.А. К проблеме интерпретации поэтического текста (на материале произведений Н.А.Клюева и С.А.Есенина): Методическая разработка для студентов филологического факультета. – К., 1995. – С. 11–12.

⁹ Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. – М., 1989. – XVII в. Книга вторая. – С. 436.

¹⁰ Киселева Л.А. Русская икона в творчестве Николая Клюева // Православие и культура. – 1996. – № 1. – С. 46–65.

¹¹ Флоренский П. Иконостас // Флоренский П. Сочинения: В 4-х т. – М., 1996. – Т. 2. – С. 493–497.

¹² Белова О. В. Славянский bestiарий. – М., 2001. – С. 226–228.

¹³ Цит. по: Базанов В.Г. С родного берега: О поэзии Николая Клюева. – Л., 1990. – С. 199.

¹⁴ Белова О. В. Славянский bestiарий. – С. 53.

¹⁵ Панченко А.Н. Русская культура в канун петровских реформ. – Л., 1984. – С. 171.

¹⁶ Материалы для истории хлыстовской и скопческой ереси, собранные П.И.Мельниковым и им же сообщенные. Отд. 5. // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. – 1873. – Кн.1. – С. 41.

¹⁷ Клюев Н. Праотцы / Вступ. ст., публ. и коммент. К.М.Азадовского // Литературное обозрение. – 1987. – № 8. – С. 103.